

28 АВГ. 1983

ТРУД
г. Москва

Знакомые имена

ЛЕОНИД
БРОНЕВОЙ

БЫВАЕТ, что полюбившаяся публике роль прирастает к исполнителю, как ярлык. И сколько ни играй, вспоминать будут ее. Так произошло и с народным артистом РСФСР Леонидом Броневым. Число его героев давно перешагнуло за сотню. Но для многих зрителей он остался участником многосерийного телефильма «Семнадцать мгновений весны». И сейчас, спустя годы, ему приходится порой слышать на улице: «Смотри, Мюллер!» От огромной популярности этой работы никуда не деться, тем интереснее было узнать мнение о ней самого Леонида Сергеевича.

— А это вообще моя первая роль в кино, — отвечает Броневой. — До нее был только эпизод в «Товарище Арсении». Там жандармский полковник, тут шеф гестапо — сплошные негодяи! Но еще Станиславский советовал искать злого там, где он добрый. Я противник одноплановости и считаю, что искусство сложнее многих актерских схем. Мюллер, каков он в фильме, заложен уже в авторском материале. Но играть написанное Юлианом Семеновым было трудно. Мешал определенный стереотип отрицательных ролей.

В театре я и раньше выступал в спектаклях о войне, был Федором в «Барабанщице», Мересьевым — в «Повести о настоящем человеке». Но Мюллер — человек «по другую сторону баррикады». Я верю, что любую роль нужно играть «от себя», уметь настроиться на волну героя, вжиться в его характер. И что в работе очень важно, все пережитое тобой лично — частицы его иногда помогают определить смысл слова, фразы. Так было и в «Семнадцати мгновениях весны». Сам я не сталкивался с фашистами и не видел их вблизи: когда началась война, мне исполнилось тринадцать лет. Но в роль Мюллера вложена и моя ненависть к ним. Это они разбомбили и расстреляли из пулеметов наш эшелон под Киевом. Это они отняли у меня возможность стать музыкантом...

— Музыкантом?

— У нас была музыкальная семья. Дед — скрипач. Тетя — певица. Сам я занимался по классу скрипки в музыкальной школе при Киевской консерватории. Но война поломала все планы. Мы эвакуировались из Киева в Чимкент, а там уже не было возможности продолжать занятия музыкой. Я учился в школе рабочей молодежи и работал — грузчиком, затем учеником пекаря на хлебозаводе, делал куклы в кукольном театре и даже был... секретарем-машинисткой у председателя Чимкентского горисполкома. Но сохранял мечту об искусстве. И когда война окончилась, поступил в Ташкентский театральный институт. Музыка и тут выручила — на стипендию прожить было трудно, и я вечерами подрабатывал, играл в маленьком ресторанном оркестре на аккордеоне, пел. Продолжаю музицировать и сейчас, но уже как дилетант — для себя. Иногда это умение пригождается в ролях — так было в фильме «Покровские ворота», когда я обошелся без помощи пианиста, сам играл на фортепьяно...

— А как вы оказались в Школе-студии МХАТа?

— Я тогда уже был профессиональным актером, работал в Оренбурге. И увидел по телевидению спектакль Художественного театра «На дне». Меня буквально ошеломил Грибов, который играл Луку. И я не удержался, написал ему письмо, признался, что хочу учиться в мхатовской школе-студии. Совершенно неожиданно Алексей Николаевич мне ответил: «Приезжайте!» Я отправился в Москву, подошел к нему после спектакля, представился. Потом мы ходили по ночным улицам — и я читал Грибову «Тараса Бульбу». Помню, он сказал, что сейчас время летнее, отпусковое, но он постарается собрать педагогов. И собрал-таки, и я был принят на третий курс. В моей жизни это уникальный случай: совершенно незнакомый человек, замечательный актер так заботился обо мне, переживал! После прослушивания он выбежал в коридор улыбающийся, радостно зашептал мне на ухо: «Приняли, приняли...» Такое не забывается!

— Это «с легкой руки» Грибова вы полюбили комедию?

— Мне самому очень близок этот жанр. Хотя говорят, что с годами человек становится серьезнее и меньше находит поводов для смеха. С недавних пор замечаю это по себе — уже не тянет к внеш-

ним приемам, безотказно вызывающим в зале веселье. Теперь в моих ролях смех и слезы чаще всего соседствуют. Так что самым любимым жанром стала трагикомедия. А самыми любимыми ролями — те, что играю в спектаклях «Женитьба», «Месяц в деревне», «Лунин, или Смерть Жака». Скоро к ним прибавится еще одна. Репетирую главную роль в новой пьесе И. Дворецкого «Директор театра». Одного написанного этим автором директора я уже сыграл в спектакле «Человек со стороны». Но тогда пришлось на сцене «руководить» заводом, а теперь вот — театром. У моего нового героя — любопытная биография. Он москвич, бывший фронтовик, работал начальником строительства в Сибири, словом, имеет за плечами богатую и сложную жизнь. Но любит искусство. И когда после возвращения в столицу получает предложение стать директором театра, охотно соглашается. О трагикомических событиях, связанных с его пребыванием на новом посту, и расскажет спектакль, который ставит Анатолий Эфрос.

— Среди перечисленных вами любимых ролей — только театральные. А как же работы в кино?

— Боюсь я кино. Боюсь его непостоянства: возносит, кидает актера на вершину славы и тут же забывает. Достаточно вспомнить хотя бы судьбу Людмилы Гурченко... Не устаю восхищаться стойкостью этой превосходной актрисы, ее неженским мужеством, которое помогло не только выдерживать годы без ролей, но и переломить судьбу. Не у каждого хватит сил на такое. Конечно, у меня есть любимые фильмы — те же «Семнадцать мгновений весны», «Прошу слова»... И все же годы на сценах Оренбурга, Иркутска, Воронежа, Гродно, Магнитогорска да два десятилетия работы в Московском драматическом театре на Малой Бронной убедили: кино в моей жизни — эпизод, а вот театр — вся жизнь...

— Актер вступает в контакты со множеством людей. Значит, обладатель этой профессии должен быть человеком коммуникабельным?

— Вовсе нет. Я, например, вне театра люблю одиночество, избегаю общения. Ведь и повар не может съесть всю ту пищу, что целый день готовит на кухне. В минуты отдыха мне не мешает только присутствие жены. Она и сама человек сосредоточенный, спокойный и, кстати, едва ли не лучше меня разбирается в актерском творчестве, хотя по профессии инженер.

Но вот работать в одиночестве я не могу: мне необходимы люди вокруг, привычная атмосфера репетиции. Люблю бывать на встречах со зрителями и отношусь к ним с огромной серьезностью. Вот недавно был в Щелкове у строителей, впечатлений — масса! Один вопрос особенно запомнился: «А как вы относитесь к строителям?» В этих словах звучала такая гордость за свою профессию, за нужность и важность ее! Бываю на Втором Московском еблостроительном заводе: прохожу туда по своему удовольствию почетного члена бригады коммунистического труда.

Во время таких встреч убеждаешься, как велика ответственность актера, как верят нам люди! И обмануть их доверие мы просто не имеем права. Огорчаюсь, когда узнаю, что кто-то из коллег оставил плохую память о себе в гостинице, в поезде. Ведь актер постоянно оказывается на глазах у множества людей — и память о себе должен по возможности оставлять добрую. Бесконечная ответственность и бесконечный труд — вот что такое наша профессия. И еще нужна способность расслышать интонации сегодняшнего дня, иначе грозит опасность заостенеть в творчестве, стать неинтересным зрителям.

Самый верный барометр тут — театральный зал. Я, признаться, не слишком доверяю премьерной публике — она может оказаться чересчур восторженной или, напротив, обидно равнодушной. А вот представлений через тридцать-сорок спектакль выравнивается — и приходят тогда на него люди разных профессий, возрастов, вкусов, взглядов, привычек. Это и есть наш главный зритель — строгий судья, добрый помощник и верный друг. Для него я играю, для него живу...

Интервью взяла
Т. ИСКАНЦЕВА.